

ACADEMIC FORUM

№ 02 (12), февраль 2015

ОКНА РОСТА
АКАДЕМИЧЕСКОГО
ПРИЛОЖЕНИЕ К ИНФОРМАЦИОННОМУ
БЮЛЛЕТЕНЮ

Мегафакультеты Вышки: размышления вслух

Мы продолжаем обсуждать на страницах «Академического форума» укрупнение факультетов Высшей школы экономики (начало в прошлом выпуске: http://bit.ly/AF_11).

Мнениями о преобразованиях на сей раз делятся эксперты в области изучения университетской культуры: **Виталий Куренной, Елена Вишленкова и Александр Дмитриев.**

Как Вы понимаете цель реформы?

Виталий Куренной, руководитель Школы культурологии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

Создание мегафакультетов имеет, насколько я могу судить и по декларациям, и по реальным действиям, несколько целей. Это многослойная реформа, что затрудняет ее оценку в целом. Также эта реформа совпадает с периодом сложностей в ресурсном обеспечении университета в общем кризисном институциональном контексте. Хочется, однако, надеяться на лучшее в том смысле, что некоторые вынужденные тактические изменения наложились случайно, имеют временный характер, а не сохраняются в качестве стратегической тенденции.

С одной стороны, имеет место управленческая реформа в логике оптимизации крупной корпорации. Явление это не новое – уже Макс Вебер с большой мрачностью предвидел и отмечал эту тенденцию превращения университета в «предприятие» в начале своей речи «Наука как призвание и профессия» (замечу, что в существующем русском переводе эта классическая часть его речи была по каким-то причинам сокращена, надо обращаться к оригинальной версии). Можно как угодно к этому относиться, но такова судьба современного массового университета, каковым по факту мы и являемся – как в плане нормы

соотношения студентов и преподавателей, так и в плане нормы, например, численности студентов, необходимой для того, чтобы состоялся курс по выбору. Вопрос о том, хорошо это или плохо – быть массовым, а не исследовательским университетом (по сути, а не номинально), выходит уже за рамки обозначенной проблемы и фактически сложившейся тенденции.

Второй аспект – изменение структуры в плане отказа от кафедральной и факультетской системы и выдвигание на первый план такой единицы, как образовательная программа. Эта реорганизация, насколько можно видеть, призвана ликвидировать факультет и кафедру как организационный субъект, демонстрирующий собственную логику поведения в пределах организации в целом. Субъективно я тут никаких сложностей не вижу – давайте так попробуем. Ожидается, видимо, что новая структура окажется более гибкой в смысле возможностей влияния на содержание программ и кадровые вопросы. С другой стороны, в этой новой управленческой структуре, замыкающей новые единицы на дисциплинарно нейтральный мегафакультет и в еще большей степени на центральные офисы, нельзя не отметить резкий рост бремени ответственности последних за возможные риски неверных административных решений. Вторым следствием этой новой ситуации является положение, при котором сотрудник, точнее, его CV оказывается

один на один с кадровыми комиссиями университета. Но это в любом случае интересный эксперимент в плане развития академического индивидуализма, тем более что die Einsamkeit (уединение) – это краеугольный камень гумбольдтовской модели исследовательского университета.

Третий аспект – децентрализация и передача некоторых курсных функций по обеспечению научно-образовательной деятельности на уровень факультетов. Формально эта мера представляет собой значительный шаг в сторону академического самоуправления. Однако не могу не заметить, что в порядке реализации этого шага пока далеко не все гладко: уже сорвались намеченные конференции, на грани срыва летние школы, экспедиции и прочее – из-за административных пробок этого процесса. Все же нормальный процесс реформы предполагает, что эта сторона вопроса проработана заранее, а не верстается с задержками по ходу дела.

Елена Вишленкова, профессор Школы исторических наук НИУ ВШЭ, заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева (ИГИТИ)

Я следила за публикациями по теме и внимательно изучала выступления ректора Ярослава Ивановича Кузьмина, проректора Вадима Валерьевича Радаева, а затем и декана факультета гуманитарных наук Алексея Михайловича Руткевича. Я думаю, что прежней Высшей школы экономики как элитарного университета классического типа уже не будет, и теперь под его брендом и сего штатом создается новый тип современного университета. Главное, чего удастся добиться такой реструктуризацией, – снизить давление факультетов (их критичность и требовательность) на администрацию университета и перераспределить ответственность. Коллеги из смежных дисциплин окажутся ближе друг другу и будут вынуждены решать вместе финансовые и управленческие проблемы. Это позволит лучше узнать друг друга, но съест у профессоров много времени, которое раньше уходило на преподавание и научные исследования, а еще неизбежно ранжирует области науки или мегафакультеты внутри университета по принципу престижности, доходности, значимости (раньше это не допускалось волевыми решениями ректората и Ученого совета). Это не хорошо и не плохо. Качество любой формы зависит от

ее наполнения и установок конкретных людей. По счастью, в Высшей школе экономики собрались умные люди, и часть того, что в остальных университетах превращается в абсурд, здесь имеет смысл или используется в практическом назначении. Это меня обнадеживает.

Александр Дмитриев, доцент Школы исторических наук, ведущий научный сотрудник ИГИТИ НИУ ВШЭ

Мне кажется, целью этой реформы, как обычно, является оптимизация управляемости и повышение качества образования в стремительно растущем учебном организме (если не исповедовать теорию заговора «неолибералов», «чиновников от образования» и т.д.). Вышка далеко уже не та, что была десять и даже пять лет тому назад, хотя я сам работаю в ней шестой год; какие-то перемены на самом деле назрели. Насколько эти меры окажутся эффективными – покажет время. Эта реформа, как и большинство подобных мер, проводится сверху, с неизбежными издержками переходного периода. Самое болезненное пока – «подвешивание» летних школ и конференций из-за переналадки прежних схем финансирования. Судя по всему, «снизу» преобладают пока выжидательные настроения. Пока больше просматривается идея разведения «рынка образовательных услуг» и академической жизни в ее привычных формах.

Интеграция разных дисциплинарных практик и логик может быть действительно успешной при наличии внутренних запросов, а они пока есть у сотрудников скорее на уровне исследовательских задач и едва ли могут сами по себе возникнуть из рутины привычных курсов и сложившейся сетки расписания. Будет здорово, если внутри мегафакультетов бакалавры и магистры свободнее смогут выбирать курсы, которые будут засчитаны им при выпуске, и если будут поддержаны уже складывающиеся, межфакультетские по сути формы академической активности, когда, например, замечательные курсы Петра Резвых по углубленному чтению Гегеля, Шеллинга и философских классиков активно посещают не только философы, но и историки, филологи, а также студенты других специальностей.

Можно ли провести эту реформу успешно в контексте российского высшего образования?

Виталий Куренной

В контексте российского высшего образования может быть проведена любая реформа, учитывая крайнюю несамостоятельность академического сообщества и его молчаливую податливость. Но в этом же кроется и основная проблема. Проводимые преобразования, насколько я могу судить, по умолчанию рассчитаны на определенные предполагаемые добродетели академической культуры – например, обоснованную объективность оценки заинтересованности различных дисциплин в ресурсах для обеспечения их научно-образовательных потребностей в рамках децентрализованной структуры. Однако у меня нет априорной уверенности, что конкуренция здесь не будет реализовываться по каким-то иным правилам. Со всем не исключено, что проводимая реформа по выдвиганию

образовательной программы в качестве товарной единицы на рынке образовательных услуг может привести к дезориентации родителей и абитуриентов, что скажется на качестве будущей приемной кампании. Если говорить о глубинных контекстуальных факторах нашей академической культуры, то нормативно я, конечно, могу только приветствовать упомянутый выше процесс индивидуации преподавателя, высвобождение его из патронажного контекста кафедры. Однако готова ли наша административная университетская культура к тому, чтобы иметь дело с таким индивидуумом? Может ли она обойтись без мобилизационных сигналов, передаваемых по цепочке «декан – заведующий кафедрой – преподаватель» там, где речь идет о разного рода внеучебных вопросах? В любом случае интересно, как все это будет разворачиваться.

Александр Дмитриев

Мне кажется, успешность реформы будет зависеть скорее от внутренних факторов эволюции Высшей школы экономики, чем от внешних параметров российского высшего образования в целом. Хотя, конечно, надеяться «отсидеться в теплице» – неразумно. Мы работаем в общих параметрах развития образовательной системы и едва ли способны изменить глобальные тенденции. Главное – чтобы сохранялась обратная связь внутри университета: и между руководством и разными подразделениями, и между преподавателями и студентами.

Проводилась ли подобная реформа в зарубежных университетах? Или в другие эпохи?

Виталий Куренной

Возможно, я просто не знаком с университетской проблематикой в таком специальном организационном ракурсе, но я не наблюдаю, чтобы укрупнение факультетов где-то рассматривалось как цель или значимый механизм совершенствования работы университета. Хотя я не могу сказать, что проблематика университета мне чужда. Однако все, что мне известно на этот счет, указывает на то, что организационное управление факультетами ставит себе задачи совсем в других терминах и с другими целями. Например, можно заглянуть в обобщающую работу «A Guide to Faculty Development» под редакцией Кай Джиллеспи и Дугласа Робертсона и вообще не обнаружить там ракурса рассмотрения, связанного с вопросом оптимизирующего укрупнения факультетов. Возможно, впрочем, я тут что-то упускаю, но был бы признателен, если бы меня просветили по поводу образцов, на которые мы ориентируемся.

Елена Вишленкова

Да, в Германии проводилось укрупнение структурных частей университетов, существует государственная программа Sonderforschungsbereich для финансирования междисциплинарных проектов внутри таких объединений. Это большие деньги и масштабные темы. Их реализовывать безумно трудно, но именно они скрепляют созданные гетерогенные объединения. А в остальном жизнь научная и учебная протекает в малых группах, иногда неофициальных. Их называют по-разному: семинар, институт, школа. По размеру это аналог современной

кафедры. В Университете Ратгерс (США) университетские объединения существуют параллельно с факультетами или в качестве «зонтика» над факультетами. Факультет, по сути дела, оказывается включен в несколько мегаобъединений – например, центр гендерных исследований, урбанистики, еврейских исследований и т.д. Я думаю, что экспериментировать с университетскими структурами можно и нужно, чтобы они не застывали и не превращались в оковы. Главное, чтобы при этом реформаторы и реформируемые знали, зачем это делать, и не превращали реформы в самоцель.

По опыту изучения истории российских университетов я могу сказать, что самыми успешными были реформы, которые проводились не в качестве универсальных для всей страны, а учитывали специфику регионов, предшествующий опыт развития, специализации и прочее. Так проводились реформы в правление Николая I. Они долго разрабатывались специалистами и апробировались на кусочках империи. Это трудное искусство управления различиями. Сейчас о 1830-х годах исследователи пишут как о времени создания феномена «русского университета» и расцвета научных исследований, а современники жаловались на интенсивность жизни. Реформа Сергея Семеновича Уварова захлебнулась тогда, когда стала для его министерства целью, а не средством, когда отчеты заменили реальность.

Александр Дмитриев

Историку высшего образования приходит на память создание в начале 1920-х годов факультетов общественных наук на базе старых историко-филологических и юридических факультетов. Разумеется, все это проходило совсем в иной политической обстановке: задачей было уничтожить старый «буржуазный» университет. Потом об этих экспериментах 1920-х часто вспоминали неодобрительно (уровень преподавания явно упал, да и идеологическая индоктринация начала сказываться), но именно там выросли будущие видные советские гуманитарии послевоенного времени – и действительно высококлассные специалисты, и верховные блюстители марксистского верования. С другой стороны, уже в 1990-е нередко из разнородных кафедр создавали гибридные факультеты (вроде факультетов «журналистики, психологии и социальной работы») во многих старых университетах и институтах. Но это был – в успешном случае – скорее набор совершенно автономных отделений-инкубаторов для будущих полноценных факультетов. У нас сейчас задача иная, противоположная.

И в Северной Америке (например, в Стэнфорде), и в Европе задача интеграции факультетов, точнее, академической жизни решалась усилением исследовательского начала: созданием и дополнительным финансированием комплексных проектных центров, к работе которых активно подключались и студенты, и аспиранты. На это давали деньги в рамках особых программ – и государство, и заинтересованные корпорации. Это могли быть и отдельные институты или трех- и четырехлетние меж- и трансдисциплинарные проекты, в которых была предусмотрена и «обучающая» часть. Даже если сейчас у нас явно иные перспективы финансирования, важно понять, что полноценный «большой» факультет не вырастет сам по себе из принципа «единого окошка» образовательных услуг.

Каковы возможные риски реформы?

Виталий Куренной

На данный момент можно говорить уже даже не о рисках, а о реальных проблемах. Те функции, которые в рамках политики децентрализации должны быть делегированы на факультеты сверху, попросту зависли из-за растянутости, то есть неподготовленности этого процесса. Мы имеем дело с оптимизацией образовательного процесса в сторону сокращения обязательного условия, при котором университет вообще может считаться университетом, – свободы обучения – в связи с сокращением факультативов и курсов по выбору из-за ориентации на такие количественные показатели, которые неприемлемы – по крайней мере для гуманитарной сферы. В итоге мы можем просто растерять все свои образовательные преимущества. В целом я не могу приветствовать дрейф в сторону образовательной модели массового университета. Вышка все же до этого демонстрировала другие ориентиры. Вообще логика оптимизации в духе критериев эффективности при ее умеренной полезности не может быть ультимативным принципом университетских трансформаций. Университетская культура нуждается в определенной системе сдержек и противовесов. Хочется, однако, надеяться, что это лишь тактический момент, связанный с общим ухудшением институциональной среды существования нашей университетской организации, а не стратегическая линия. Если учитывать еще один момент, связанный с происходящими преобразованиями, а именно ожидание какого-то алхимического эффекта от объединения родственных дисциплин в рамках одной структуры и одного пространства, то у меня большие опасения, что само собой здесь ничего не произойдет и будет воспроизведена обычная центростремительная логика поведения прежних кафедр и факультетов. Здесь нужна разработанная система институциональной поддержки. Например, программа грантовой

поддержки междисциплинарных проектов или новых междисциплинарных образовательных программ. Механическое объединение ничего не даст. Наконец, я бы отметил еще один риск, связанный с преобразованиями, – чисто пространственный. Школа культурологии много лет прожила в Малом Трехсвятительском переулке. У преподавателей и студентов сложилась история отношений с этим местом, включая, например, дворик (долго могу про это рассказывать). Теперь мы перемещаемся в новое пространство, а потом, вероятно, еще в одно. Должен заметить, что это не очень похоже на университетскую культуру. Это какая-то вариация советской вагонно-мобилизационной системы. Ко дню открытых дверей наши выпускники сняли ролик для абитуриентов, но они не пошли для этого в новое здание, они вели съемку на фоне того здания, где учились. Память места имеет значение, в том числе с точки зрения лояльности выпускников своему университету. Хотелось бы, чтобы эти простые вещи, связанные с повседневным бытованием университетской культуры, не становились жертвой бумажных организационных схем.

Александр Дмитриев

Не хотелось бы просто получить – под новой вывеской – еще один промежуточный этаж в административной иерархии внутри Вышки, и без того массивной. И сами инициаторы реформ, и их активисты, и тем более сегодняшние скептики справедливо посчитают это неудачей, поражением. Объединение разных прежних факультетов под крышей одного большого здания тоже не должно, на мой взгляд, стать чисто механической пересадкой академической поросли рукой умелого агронома... Поэтому стоит поддерживать и развивать те формы стихийного взаимодействия преподавателей (и, что особенно важно, также студентов и аспирантов) с разных факультетов и из разных центров, которые уже существуют, чтобы они не проиграли от новых структурных сдвигов «для их же блага».

Выпускается НИУ ВШЭ.

Редактор Алексей Огнёв. Материалы подготовлены при участии Владимира Селивёрстова. Иллюстрации Василия Храмова.

Контакты: okna@hse.ru, (495) 621-4514. Подписаться на рассылку можно здесь: <http://okna.hse.ru/subscribe>

Дата выпуска: 26.02.2015